

Трахов Аслан Исмаилович

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета, заслуженный юрист Российской Федерации и Республики Адыгея

Бешукова Зарема Муратовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Адыгейского государственного университета

**РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЗАВЕДОМО
ЛОЖНОЙ ИНФОРМАЦИИ
(СТ. 207.1 И 207.2 УК РФ):
НОВЫЕ СОСТАВЫ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ
С ПРИЗНАКОМ ПУБЛИЧНОСТИ**

Аннотация:

В статье обосновывается социальная обусловленность криминализации распространения заведомо ложной информации. Авторы дают краткую уголовно-правовую характеристику преступлений, предусмотренных ст. 207.1 и 207.2 Уголовного кодекса РФ, и выделяют отдельные проблемы, которые могут возникнуть в процессе их применения. Исследуются правовые позиции Верховного суда Российской Федерации по вопросу содержания публичности как обязательного признака объективной стороны в контексте данных преступлений. Критически оцениваются отдельные доктринальные позиции по этому вопросу. Доказывается, что Президиум Верховного суда РФ ввел определенные критерии в разрешении вопроса о публичности. В итоге авторы приходят к выводу, что рекомендации Пленума Верховного суда РФ, а впоследствии и разъяснения его Президиума относительно признака публичности соответствуют духу уголовного закона и подлежат обязательному использованию.

Ключевые слова:

ложная информация, публичность, распространение информации, криминализация, Верховный суд РФ, массовая рассылка, группа людей, интернет.

Trakhov Aslan Ismailovich

LL.D, Professor, Criminal Law and Criminology, Kuban State University Department, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Republic of Adygea

Beshukova Zarema Muratovna

PhD in Law, Associate Professor, Criminal Law and Criminology Department, Adyghe State University

**SPREAD OF KNOWINGLY FALSE
INFORMATION (ART. 207.1 AND 207.2
OF THE CRIMINAL CODE
OF THE RUSSIAN FEDERATION):
NEW CORPUS DELICTI
WITH THE SIGN OF PUBLICITY**

Summary:

The social conditionality of criminalization of spread of knowingly false information is proved in article. The authors give a brief criminal characteristic of the crimes provided by Articles 207.1 and 207.2 of the Criminal code of the Russian Federation and highlight problems, which can arise in the course of their application. The legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation on the content of publicity as obligatory sign of the objective party in the context of these crimes are investigated. Some doctrinal positions on the matter are critically estimated. It is proved that the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation introduced certain criteria in resolving the issue of publicity. As a result, the authors come to a conclusion that the recommendations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, and subsequently the explanation of its Presidium, concerning the sign of publicity, correspond to the spirit of the criminal law and are subject to obligatory use.

Keywords:

false information, publicity, spread of information, criminalization, Supreme Court of the Russian Federation, mass mailing, group of people, the Internet.

В современном мире нарастает волна распространения заведомо ложной информации, соответственно проблема противостояния ей остро стоит перед мировым сообществом. Стремительное развитие информационных технологий актуализирует потребность в поиске оптимальных механизмов по противодействию таким деяниям. В связи с этим особое внимание стало уделяться и вопросам криминализации распространения заведомо ложной информации.

Криминализация и декриминализация, пенализация и депенализация деяний с учетом степени их общественной опасности являются главными средствами реализации уголовной политики [1, с. 89]. В сформировавшейся на сегодняшний день теории криминализации деяний выделяют следующие основания криминализации, определяющие ее необходимость: «появление общественно опасного деяния с достаточно высокой степенью общественной опасности; повышение степени общественной опасности деяния» [2, с. 89–90]; «невозможность противодействия соответствующим деяниям с помощью иных правовых средств» [3, с. 38]. Как справедливо отмечает О.С. Капинус, «в настоящее время основные доктринальные постулаты криминализации

деяний получили отражение в правовых позициях Конституционного суда Российской Федерации, благодаря чему приобрели нормативный, юридически обязательный характер» [4, с. 38].

1 апреля 2020 г. в Уголовный кодекс Российской Федерации были введены две новые статьи: 207.1 «Публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан» и 207.2 «Публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия», вступившие в силу в этот же день. Параллельно с этими изменениями уголовного закона, другим федеральным законом статья 13.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях была дополнена частями 10.1 и 10.2, регламентирующими ответственность юридических лиц за административные правонарушения, идентичные названным преступлениям.

Отметим, что в силу положений ч. 3 ст. 2.1 КоАП РФ привлечение к уголовной ответственности физического лица не освобождает юридическое лицо от привлечения к административной ответственности. При этом физическое лицо привлекается к уголовной ответственности, а юридическое – за это же правонарушение, но характеризующееся как административное, – к административной ответственности.

Установление уголовной ответственности за распространение заведомо ложной информации стало ответом на появлявшиеся со стремительной скоростью в сети Интернет ложные новости о ситуации и принимаемых мерах по недопущению распространения заболеваний, вызванных новой коронавирусной инфекцией (COVID-19). Впрочем, распространение информации, не соответствующей действительности, стало неперенным спутником практически всех трагических событий в нашей стране, что, в свою очередь, представляет реальную опасность для общественного порядка и общественной безопасности. Убедительным доказательством сказанного послужил пожар в г. Кемерово в марте 2018 г. Тогда ложные сведения о количестве погибших, появившиеся в сети Интернет, спровоцировали стихийный митинг, состоявшийся возле областной администрации. Приведенный пример также свидетельствует о высокой степени нравственной деградации лиц, распространяющих в таких ситуациях ложные сведения.

В 2020 г. своего рода катализатором установления уголовной ответственности за распространение заведомо ложной информации выступило изображение якобы копии приказа министра обороны Российской Федерации о «введении в г. Москве комендантского часа», появившееся в сети Интернет в середине марта того же года. Вскоре «документ» заполнил современные мессенджеры (WhatsApp, Viber и др.), с использованием которых он распространялся с молниеносной скоростью от пользователя к пользователю. Впрочем, его высокая виральность была вполне очевидна на фоне текущих событий в стране. Мы не стали исключением и также получили сообщение с копией «приказа».

По сообщениям средств массовой информации, представители Министерства обороны РФ охарактеризовали распространенное в социальных сетях изображение как «грубо слепленную фальшивку». Не подвергая излишней детализации содержание так называемого «приказа», отметим, что отсутствие такой обязательной части документа, как дата принятия в реквизитах, а также определенные формулировки в содержательной части без труда позволяют выявить фальшивку. О примитивности распространенной подделки свидетельствует и наличие точки после наименования «приказа», которая дает возможность отличить ненастоящий документ от подлинного каждому, кто хотя бы косвенно соприкасался с юриспруденцией.

Однако стоит отметить, что значительное количество пользователей сети и современных мессенджеров восприняли это изображение как копию настоящего документа, поскольку незнакомы с правилами юридической техники, используемыми при разработке содержания и структуры нормативных актов. На взгляд обеспокоенного тревожными сообщениями о распространении новой коронавирусной инфекции получателя, как, впрочем, и неподготовленного адресата, представленная информация, действительно, выглядела как копия подлинного документа. Несмотря на то что требование Роскомнадзора к социальным сетям об удалении недостоверных данных о введении в Москве комендантского часа было анонсировано в интернете, лжеприказ продолжал распространяться с помощью мессенджеров. Многие были склонны верить не в официальную информацию, а в правдивость лжедокумента, поскольку его стали пересылать с пакетом видеоматериалов о километровых колоннах автобусов с солдатами, направляющихся в сторону столицы. Позднее пресс-служба Главного управления Росгвардии по Москве сообщила, что «передвижение ведомственных автобусов является обычной плановой дислокацией, поводов для беспокойства нет» [5].

Приведенные примеры позволяют с достоверностью утверждать, что на сегодняшний день социальная обусловленность принятия федерального закона, вносящего обозначенные изменения в уголовный закон России, не вызывает сомнений.

В ст. 207.1 УК предусмотрена уголовная ответственность за «публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и (или) о принимаемых мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств». Диспозиция данной нормы носит ссылочный характер, и при ее толковании необходимо обратиться к примечанию к указанной статье, в котором определяется, что следует понимать под обстоятельствами, представляющими угрозу жизни и безопасности граждан. В свою очередь, это примечание содержит ряд бланкетных и специальных (технических) понятий. Для правильного уяснения его содержания следует руководствоваться положениями иных нормативных правовых актов, а также государственными стандартами.

В ч. 1 ст. 207.2 УК РФ предусмотрена ответственность за «публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее по неосторожности причинение вреда здоровью человека»; в ч. 2 этой же статьи – за «то же деяние, повлекшее по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия». Норма, сформулированная в ст. 207.2 УК, отличается высокой степенью обобщенности и чрезмерной лаконичностью. Представляется, что при ее применении будут возникать сложности, поскольку используемый в ее тексте категориальный аппарат не обладает достаточной юридико-лингвистической определенностью для единообразной правоприменительной деятельности.

Обязательный признак объективной стороны преступлений, предусмотренных обеими названными нормами УК РФ, – публичность. Необходимо отметить, что в юридической литературе этот признак подвергается тщательному анализу и довольно часто становится предметом научных дискуссий. Вместе с тем единства мнений достичь не удалось.

На сегодняшний день признак публичности, помимо вновь введенных статей 207.1 и 207.2, отражен в качестве обязательного признака объективной стороны основного либо квалифицированного составов преступлений, предусмотренных девятнадцатью статьями УК РФ (ст. 110, 110.1, 110.2, 128.1, 137, 148, 151.2, 197, 205.2, 242, 242.1, 245, 258.1, 280, 280.1, 282, 319, 354, 354.1).

Кроме того, необходимо отметить, что в ч. 3 ст. 212 УК регламентирована ответственность за призывы к массовым беспорядкам. Несмотря на то что в диспозиции данной нормы нет указания на такой признак объективной стороны, как публичность, в науке уголовного права превалирует мнение, что подобные призывы должны иметь публичный характер [6, с. 469].

Ориентиром для правильного понимания и применения уголовно-правовых норм служат правовые позиции высшего судебного органа Российской Федерации. Верховный суд РФ неоднократно давал разъяснения относительно вопроса о содержании признака публичности. Далее они рассмотрены в хронологическом порядке.

В постановлении от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» Пленум Верховного суда РФ разъяснил, что «под публичными призывами (ст. 280 УК РФ) следует понимать выраженные в любой форме (устной, письменной, с использованием технических средств, информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, включая сеть Интернет) обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению экстремистской деятельности».

Практически дословно Пленум Верховного суда РФ воспроизводит свою позицию относительно признака публичности и в постановлении от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности». Однако в этом документе Пленум вместо словосочетания «веерная рассылка» электронных сообщений оперирует формулировкой «массовая рассылка».

3 ноября 2016 г. Пленум Верховного суда РФ внес ряд редакционных изменений в постановление от 28 июня 2011 г. № 11, в том числе текст «размещение обращения в информационно-телекоммуникационных сетях общего пользования... обращений путем веерной рассылки электронных сообщений и т. п.» заменил словами «распространение обращений путем массовой рассылки сообщений абонентам мобильной связи и т. п.». Это представляется вполне логичным, поскольку все понятия, используемые в уголовном законе, подлежат единообразной интерпретации.

Изложенное позволяет констатировать, что позиции Пленума Верховного суда РФ относительно вопроса о содержании признака публичности неизменны.

21 и 30 апреля 2020 г. Президиум Верховного суда РФ утвердил два обзора по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19), под номерами 1 и 2 (далее – Обзор № 1, Обзор № 2). В обоих документах высший судебный орган дал разъяснения относительно проблемы содержания признака публичности в

контексте ст. 207.1 и 207.2 УК. Отметим, что в Обзоре № 1 имеется краткая характеристика данного признака [7], а в Обзоре № 2 представлен развернутый ответ на четко и недвусмысленно сформулированный вопрос (вопрос 13) [8].

На первый взгляд, разъяснения Президиума Верховного суда РФ в целом идентичны ранее изложенным рекомендациям Пленума Верховного суда РФ в соответствующих постановлениях. Вместе с тем в Обзоре № 2 Президиум разъяснил, что «распространение заведомо ложной информации, указанной в диспозициях ст. 207.1 и 207.2 УК РФ, следует признавать публичным, если такая информация адресована *группе или неограниченному кругу лиц* и выражена в любой доступной для них форме (например, в устной, письменной, с использованием технических средств)».

Таким образом, Президиум Верховного суда РФ выделил две категории лиц, которым адресована ложная информация (группу и неограниченный круг лиц), и тем самым ввел критерии в разрешении вопроса о публичности – критерий количественной определенности и, возможно, критерий количественно-персонифицированной определенности. Данный вывод сделан на основании значения слова «группа», под которой понимается «совокупность людей, объединенных общностью интересов, профессии, деятельности».

Критерий количественной определенности означает, что субъект преступления осознает численность группы. Например, преступление совершено путем массовой рассылки электронных сообщений абонентам мобильной связи. В данном случае число лиц, которым была разослана заведомо ложная информация, можно установить с точностью до единицы. Следовательно, субъект преступления распространяет заведомо ложную информацию среди *неперсонифицированного (индивидуально неопределенного), но количественно определенного круга лиц*.

Критерий количественно-персонифицированной определенности означает, что субъект преступления не только осознает численный состав группы, но и владеет знаниями, характеризующими эту группу и (или) ее отдельных членов (например, разместил заведомо ложную информацию в группе, созданной в одном из мессенджеров (WhatsApp, Viber и др.); либо сделал соответствующее сообщение в трудовом коллективе или студенческой группе и т. д.). Таким образом, субъект преступления распространяет заведомо ложные сведения среди *конкретного, персонифицированного (индивидуально определенного) круга лиц*.

Представляется, что под неограниченным кругом лиц следует понимать неопределенный круг лиц. В данной ситуации число лиц, которым была адресована заведомо ложная информация, в большинстве случаев невозможно точно установить. Значит, субъект преступления распространяет заведомо ложные сведения среди *количественно неопределенного круга лиц* (например, размещая их в общем доступе в сети Интернет).

Как отмечено ранее, Пленум Верховного суда РФ придерживается позиции, что «распространение обращений путем массовой рассылки сообщений абонентам мобильной связи и т. п.» является публичным призывом. В одном из обзоров Президиум высшего судебного органа также сделал указание на «массовую рассылку электронных сообщений абонентам мобильной связи» как на один из способов совершения преступлений, предусмотренных ст. 207.1 и 207.2 УК.

Отметим, что позиция Пленума Верховного суда РФ по данному вопросу в юридической литературе подверглась критике. Так, Д.О. Чернявский считает «невозможным признать массовую рассылку СМС-сообщений, писем по электронной почте и т. д. в качестве публичного призыва» [9, с. 120]. Он аргументирует свою позицию тем, что понятия «публичный» и «массовый», несмотря на то что близки по значению, не равнозначны. По его мнению, «массовый» – это количественная характеристика, а «публичный» – качественная. «Публичный призыв, пускай и один, произнесенный перед аудиторией, одновременно доступен всем – это и есть качественный признак рассматриваемого явления. В случае с веерной (массовой) рассылкой сообщений адресат каждого конкретного сообщения – только один человек. Это сообщение недоступно для его одновременного восприятия несколькими лицам» [10, с. 120]. Для наглядности, автор приводит следующий пример: «лицо подходит то к одному, то к другому человеку и в личной беседе озвучивает призыв к нарушению территориальной целостности, при этом никто более не воспринимает его информацию» [11, с. 120]. Следует отметить, что Д.О. Чернявский делает оговорку, что то же сообщение, размещенное, в частности, в мессенджерах, соответствует требованиям публичности, поскольку оно «адресовано нескольким лицам и доступно для восприятия несколькими лицами» [12, с. 120]. Как видим, основной довод Д.О. Чернявского заключается в том, что в случае массовой рассылки, например, СМС-сообщений, отсутствует *одновременное* восприятие информации двумя лицами или более.

Возникает вопрос: как быть, если лицо не озвучивает призыв к нарушению территориальной целостности РФ, как в приведенном примере, а раздает листовки или газеты, содержащие тексты с такими призывами, подходя то к одному, то к другому лицу? Ведь в этом случае тоже отсутствует одновременное восприятие информации двумя или более лицами. Однако именно

подобный способ совершения преступления, в частности предусмотренного ст. 282 УК РФ, наряду с использованием сети Интернет, является наиболее распространенным.

Далее возникает другой вопрос: существует ли разница между бумажной листовкой и СМС-сообщением, оставшимся в памяти мобильного телефона? Полагаем, что разница отсутствует. Кроме того, по отдельным показателям СМС имеет преимущества: такое сообщение «не изнашивается» в отличие от написанного на бумаге, его невозможно потерять. Считаем, что при определении публичности главным критерием является *не одновременность* восприятия информации двумя лицами или более, а *наличность возможности* ее восприятия двумя лицами или более. В связи с этим представляется, что рекомендация Пленума Верховного суда РФ, а впоследствии и разъяснение его Президиума относительно рассматриваемого вопроса соответствуют духу уголовного закона и подлежат обязательному использованию.

Ссылки:

1. Рагоз А.И. Репрессивный крен российской уголовной политики // Всероссийский криминологический журнал. 2014. № 3. С. 88–95.
2. Прокументов Л.М. Основание криминализации (декриминализации) деяний // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 4 (14). С. 81–91.
3. Капинус О.С. Криминализация и декриминализация деяний: поиск оптимального баланса // Общественные науки и современность. 2018. № 4. С. 37–46.
4. Там же. С. 38.
5. В Росгвардии объяснили плановой дислокацией передвижение ведомственных автобусов в Москве [Электронный ресурс] // ТАСС. 2020. 26 марта. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8086353> (дата обращения: 28.05.2020).
6. Российское уголовное право. В 2 т. Т. 2. Особенная часть : учебник / под ред. Э.Ф. Побегайло. М., 2008. 736 с.
7. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории РФ новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховного суда РФ. 2020. 29 апр. URL: <https://www.vsrif.ru/files/28856> (дата обращения: 28.05.2020).
8. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории РФ новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховного суда РФ. 2020. 30 апр. URL: <http://www.supcourt.ru/files/28881> (дата обращения: 28.05.2020).
9. Чернявский Д.О. Уголовно-правовая характеристика публичных призывов к нарушению территориальной целостности Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 214 с.
10. Там же. С. 120.
11. Там же.
12. Там же.

Редактор: Тюлюкова Мария Олеговна
Переводчик: Кочетова Дарья Андреевна